

Из материалов
Ростовского областного архива

Рукописные материалы XVII—XVIII вв., хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области, это — документы различных учреждений Области Войска Донского, преимущественно деловые бумаги донского казачества. Начало регулярной переписки между Доном и Москвой восходит ко второй половине XVI в. Материалы сношений донских казаков с Посольским приказом (1594—1768 гг.) хранятся в ЦГАДА, в фонде № 111. Часть этих документов (с 1594 по 1662 гг.) издана¹. Среди бумаг ряда учреждений Области Войска Донского сохранились копии некоторых царских грамот и донских отписок. Состав донского казачества был весьма разнообразным. Донские говоры, соответственно, представляли собой сложное единство черт различных русских диалектов, украинского и тюркских языков. Поэтому донские памятники, отражающие особенности казачьих говоров, могут в равной степени интересовать исследователей истории и диалектологии как русского, так и украинского языков. Тюркологи могут найти в этих документах факты, касающиеся судьбы ряда тюркизмов, не получивших распространения в общенародном русском языке, но бытовавших в некоторых периферийных говорах.

Приступая к характеристике материалов Ростовского архива, заметим, что в его фондах нет таких источников, которые особенно привлекают внимание лингвистов и

¹ Донские дела. — РИБ, т. XVIII, кн. I, СПб., 1902; т. XXIV, кн. II, 1906; т. XXVI, кн. III, 1909; т. XXIX, кн. IV, 1913; т. XXXIV, кн. V, Пг., 1917.

литературоведов: летописей или их списков, старопечатных книг, древних повестей и тому подобных памятников. Летописцев на Дону не было. Некоторые представители зажиточной части казаков — «из грамотных» (атаманы, есаулы) вели дневники, куда заносили свои впечатления, описывали наиболее поразившие их события: пожары, наводнения; делали заметки бытового характера. Так, например, известны «Записки есаула города Черкаска Степана Григорьевича Капацынова» — дневник, который названный есаул вел с 1774 по 1804 г.²

Фольклорных записей, сборников пословиц и поговорок и тому подобных памятников, относящихся непосредственно к XVII—XVIII вв., в архиве нет, но в личном фонде историка Х. И. Попова (ф. № 55) хранятся интересные материалы фольклорной экспедиции 1902 г.: песни, былины, сказания, пословицы донских казаков, многие из которых возникли в XVI—XVIII вв. Фольклорные записи сделаны с сохранением большинства диалектных особенностей и потому представляют для лингвистов особый интерес. Многие тексты данного фонда до сих пор не опубликованы.

Что касается памятников деловой письменности XVII—XVIII вв., то они представлены материалами Атаманской канцелярии (ф. № 46), Войсковой канцелярии (ф. № 341), Войскового штаба (ф. № 344), станичных правлений (ф. № 338), сыскных начальств (ф. № 494, 717, 737, 339, 718), а также материалами личных архивов представителей казачьей верхушки: полковника Астахова (ф. № 81), атаманов Данилы и Степана Ефремовых (ф. № 360), войскового старшины Янова (ф. № 82). Общее число документов, интересных для лингвистов, превышает 40 тыс. листов.

Наиболее древней рукописью, хранящейся в архиве, является грамота-столбец, датированная 1688 г. Она представляет собой приказ атамана Фрола Минаева, касающийся границы между юртами (земельными владениями) Золотовской и Арженевской станиц.

Эта дата — 1688 г. — не случайна. Материалы войскового архива погибли во время пожара 1687 г. С 1688 г. в архиве вновь накапливаются войсковые и частные

² Часть этого дневника была опубликована в 1887 г. в журнале «Дон» (№ 4, стр. 35—37; № 5, стр. 30—33).

бумаги. Пожар 1744 г. уничтожил большую часть и этого архива. Однако первая половина XVII в. все же представлена местными рукописями, общим числом около 70.

С 1744 г. войсковой архив донских казаков сохранился. В настоящее время все материалы, хранящиеся в Ростовском архиве, систематизированы, находятся на строгом учете, предоставляются читателям в обработанном для исследования виде. При архиве имеется лаборатория, в которой изготавливаются фотоконии рукописей.

Документы, хранящиеся в названных фондах, неравноценны для лингвистического изучения. Сравнительно слабо народная речь представлена в бумагах Атаманской канцелярии. Основные документы данного фонда — приказы и грамоты атамана всему Войску Донскому или отдельным станицам. Содержание грамот различное: приказы о запрещении приема беглых людей, указания, касающиеся прохождения казачьей службы, решения атамана о зачислении в казачье сословие, приказы о переселении казаков и другие распоряжения. В этом же фонде хранятся отписки походных атаманов о военных действиях казаков в Крыму и на Кубани, о казачьей службе на оборонительных линиях, походные полковые журналы, сведения о численности войск и т. п. документы.

Материалы этого фонда интересны главным образом для лексикологов. Они могут почерпнуть из них обширные сведения по военной терминологии, топонимике, лексике коневодства и другим лексическим группам. Диалектолог, занимающийся вопросами фонетики или морфологии, найдет для себя в этих текстах меньше сведений. Эти бумаги составлялись большей частью опытными, искушенными в грамоте писцами, а потому в них довольно сильно сказалась орфографическая традиция (не исключены, впрочем, случаи ложного орфографизма). В языке этих бумаг нередки штампы, стереотипные обороты.

Атаман Войска Донского и его атаманская канцелярия решали особо важные дела, преимущественно военные. Административными, хозяйственными и судебными делами ведала Войсковая канцелярия. Материалы Войсковой канцелярии представлены в архиве так называемыми «определениями» — окончательными решениями канцелярии по различным прошениям и результатам разбора казачьих дел, настольными журналами (журналами еже-

дневной записи), журналами решенных дел, грамотами и приказами. Определения Войсковой канцелярии — объемистые рукописные книги, по 900—1000 листов каждая, в которых запротоколированы заседания канцелярии в течение года. В судебных делах дословно излагается содержание рапорта или прошения, поступившего в канцелярию, затем опрашиваются потерпевшие, виновные и свидетели, причем речь их записывается опять-таки дословно или почти дословно. После этого регистрируется решение — определение канцелярии.

Вот названия некоторых дел, рассмотренных Войсковой канцелярией: «О дозволении старшине Карпу Колпакову устроить кошары на Мокром Лугу в войсковом юрту»; «О наказании плетью казака Усачева за несопровождение им в качестве лоцмана будары, отчего она разбилась, наскочив на каршу»; «Об отдаче в распоряжение неперменного судьи Луковкина неисправного плательщика подушного сбора приписного крестьянина Рудокова» и др.

Как видно из примеров, диалектные слова встречаются даже в заголовках дел. Сами документы также изобилуют местными лексемами. В бумагах Войсковой канцелярии широко отражена административная, военная, промысловая терминология, полно представлена бытовая лексика, особенно в документах, заключающих в себе описи домашнего имущества, перечни конфискованных и проданных вещей.

Еще полнее представлена народная речевая стихия в материалах станичных правлений. Это — протоколы станичных сборов, записи разбора местных дел, приходо-расходные, кабацкие и другие денежные книги, разного рода справки и свидетельства, рапорты и сказки, переписка с Войсковой канцелярией и, наконец, частые письма казаков.

Большинство документов составлено местными писарями — выходцами из казачьей среды — или самими казаками. Станичные писцы выбирались станичным сбором вместе с атаманом и есаулом. Писцы являлись носителями местных народных говоров, особенности которых, естественно, отражались в составляемых или переписываемых ими документах. Любопытно в этом отношении сравнение приказов войскового атамана и копий, снятых с приказов писцами казачьих станиц. Названные документы

имеют определенные расхождения в области фонетики и морфологии. Мы убедились в этом, сравнив грамоты войскового атамана и копии с них, сделанные местными писцами Кумылженской и Мигулинской станиц.

Местные отписки перед их отправлением в Войсковую канцелярию зачитывались перед станичным сбором. Это обстоятельство лишний раз говорит в пользу того, что язык данных бумаг был близок и понятен массе казаков.

Документы станичных правлений интересны и в том отношении, что дают возможность, хотя и не в полной мере, выяснить вопрос о различиях в говорах отдельных донских поселений XVIII в. Групповой фонд станичных правлений представлен материалами более чем пятидесяти населенных пунктов. По этим документам хорошо прослеживаются расхождения между говорами станиц Нижнего и Верхнего Дона, сложившиеся в период XVII—XVIII вв. и сохраняющиеся доньше.

Менее интересны в лингвистическом отношении материалы личных фондов донских дворян и старшин. Они представлены в основном документами о военной службе, о земельных владениях и крепостных крестьянах. Некоторый интерес представляет содержащаяся в этих фондах частная переписка и бумаги об имущественном состоянии. Отдельные документы донского происхождения XVII—XVIII вв. печатались в местных изданиях дореволюционного периода — газетах «Донские областные ведомости», «Донская пчела», «Приазовский край», в журналах «Дон», «Казачий вестник», а также в сборниках Области Войска Донского статистического комитета. Подлинники некоторых опубликованных текстов были затем утрачены. Поэтому воссоздание полной картины казачьих говоров XVII—XVIII вв. невозможно без привлечения опубликованных материалов.